



Валерий Евгеньевич Платонов родился в 1961 году в поселке Орлянка Эртильского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического института. Служил в армии. В Эртильском районе работал директором ряда школ, инструктором райкома партии, директором краеведческого музея, директором ПТУ № 16, заместителем главы администрации Эртильского муниципального района. Краевед. Публиковался в региональной печати. Автор нескольких книг прозы и краеведения. Член Союза писателей России. Живет в Эртиле.

Валерий Платонов

ОЦЕНКА ТВОРЧЕСТВА

Рассказы

Сергей Вячеславович Тупницын приехал родной Эрск к маме. Она в последнее время на глазах старела, теряла силу и рассудок, поэтому, как внимательный сын, Тупницын заставлял себя встречаться с матерью почаще, хотя бы раз в два месяца, и звонил ей тоже пару раз в неделю. В последний свой приезд он похвастался перед матерью своей хорошей книгой, где многое было правдой и многое ему удалось. Да практически почти все. Друзья и особенно подчиненные хвалили книгу, а творческие собратья тоже высоко оценили и приняли его в Союз писателей.

И теперь Сергею Вячеславовичу хотелось услышать отзывы о творческом уровне, правдивости образов и общественной значимости его хорошей книги. Важно ему сделалось слышать такое именно от своих земляков.

К его удивлению, мать повела себя не как обычно в первые часы его приездов. Она не стала выливать на его мозги привычные фразы о том, что все дорожает, что дети стали «не приведи господь», что по телевизору срамь одна и что опять кто-то помер или зачем-то развелся. Сразу после объятий в прихожей Зинаида Васильевна с какой-то отстраненной интонацией сказала сыну:

— Сергей, мне это... с тобою... поговорить надо. Ты садись, а то устал, видать, с дороги. А хочешь — поешь, я сегодня суп сварила свежий с мясом. Не хочешь? Ну ладно, тогда попозже поешь, когда подюжее проголодаешься.

Мама вытерла чистой тряпочкой край стола перед Сергеем, хотя он и так выглядел чистым, и продолжила:

— А поговорить-то хотела наштот твоей книжки. Ты ж, оказывается, дал ее своей учительнице и Тамарке Боевой. А теперь мне прохода нету от этой Тамарки. Как увидит меня, сразу про твою книгу начинает: и то там не так, и то там не сяк. Да что ж он про нас так плохо написал-то, что ж мы ему плохова сделали? И опровержению какую-то собрались на тебя писать, и через газету проработать за клевету, и телефон твой спрашивали разов шесть уже, а я им не дала. А что ты там так их уж обидел-то, сама и не знаю?

Сергей Вячеславович заволновался, в него зашли досада и раздражительность. Ему захотелось с ходу ответить, но по какому поводу — он не мог определиться, и задал матери наводящий вопрос:

— А что обидело эту Тамарку? Там про нее нигде и ничего и близко нет. Я ж ее, Тамарку-то, толком даже и не знаю и ничего не мог про нее написать ни хорошего, ни плохого. У меня все образы собирательные, а не конкретно про кого-то. Это ж художественное произведение. На что она обиделась-то хоть?

— Да я-то откудова знаю? Ты написал в книге, они обиделись, а мне проходу не дают какую уже неделю. А что они там нашли, мне тоже не говорят. Даже неудобно от соседей. Она, эта Тамарка, если упрется во что, то не остановится, пока сваво не добьется. Через того от нее и мужья-то оба сбежали, от шалавы этой, прости Господи.

— Ну, ладно, эту Тамарку. Мне с ней детей не крестить, а что ж Светлана Георгиевна? У нее-то ко мне какие претензии? — оправдывался Сергей Вячеславович, представив благообразную учительницу-пенсионерку.

— Да нет. Светлана Георгиевна не обижается на твою книгу. Она просто на лавочке во дворе сидела, а я белье развешивала и слышала, как она тебя полоскала — навреде, тоже, мол, писатель нашелся? В школе из трояков не вылезал, а тоже книжки пишет. И вспоминала опять, как ты ей чуть зуб не выбил на физкультуре, — примирительно смягчалась мама.

— Какой-то зуб? Да это совсем не я был. Это Серега Ширяев мячом баскетбольным хотел в Надьку Колесникову, а попал прямо ей в лицо с разворота, — удивлялся чужой забывчивости Сергей, досадуя на то, что легкомысленно подарил учительнице книгу, а теперь за свою тщеславную доброту и страдал несправедливо.

— Ну, я помню-помню, как нас с отцом в школу вызывали разбираться, как вы в десятом классе дверь с петель сняли, а назад повесить не могли, — для чего-то вспомнила мама.

— Правильно, мам, это в десятом и было, а мячом Серега ей замочил в лицо еще в девятом, а теперь Серега сам директор школы, и ей неудобно про него — она и сочиняет, что я ей зуб выбил и из троек не вылезал. Откуда, интересно, она знает-то, она ж географичка? — закипал Сергей Вячеславович.

— Дык, они ж, старые учителя, промеж собой общаются по телефону. Цельными днями надо чем-то заниматься. То ругаются, то мирятся, то кого-то обсуждают. Я в их делах не понимаю. Они люди ученые, я им не ровня. С ними и на лавочку-то не сажусь, а только мимо иду и слышу,

как они тебя обсуждают, а у самих дети некудышные, — явно поддержала сына мать. — Я только не пойму, как ты им всем сразу дорогу-то перешел? — осуждающе удивлялась мама.

— Да... Интересный разговор получается, — не сумел подобрать слов обескураженный Сергей. Он и представить себе не мог, что хорошо и с хорошей стороны знавшие его соседи по многоквартирному дому вдруг так отреагируют на его теплые рассказы об их провинциальном бытии. Ему захотелось выйти во двор к лавочке и самому во всем разобраться. Может, мать по недомыслию что-то сама напутала, не разобрала, дофантазировала. Да и по городу захотелось пройтись, до конца улицы, к кольцу, а потом вдоль магазинов — к кинотеатру, или от кольца свернуть по тротуару в сторону библиотеки и сквера с памятниками и скамеечками. Такая прогулка всегда сулила встречу с одноклассниками или прошлыми подругами, с родителями забытых друзей и кем-то еще. Сергей любил ходить пешком и вспоминать всякие детские и отроческие эпизоды как продолжение своих же рассказов о городских историях. Он всякий раз подмечал изменения в облике города, на что не могли быть способны те, кто всерьез полагал, что у них вокруг годами все одно и то же — те же пыль, зной или снег с дождем, а самые заметные события — только очередные проводы в последний путь. Так ли это на самом деле — никто не знал, но только так и думали жители Эрска.

Чтобы не обижать мать, Сергей вышел во двор не сразу, а спустя час. В глаза ударило яркое солнце, отраженное от большой лужи рядом с мусорными баками. Громко чирикали воробьи, гремел в небе самолет, со стороны спортивной коробки долетали удары по мячу. В больших городах отдельные звуки теряются на общем шумовом фоне, а в тиши малых городков индивидуально слышен, кажется, каждый звук.

Сергей похлопал по карманам, удостоверился, что мобильник с ним, ключи от машины и пачка сигарет — тоже. На лавочке возле дома, как и во всем дворе, — ни души. Двинулся вдоль улицы, поздоровался со знакомым пенсионером, дошел до угла к краю дороги.

Было жарковато, и Сергей определился пойти к скверу. Привычка донесла его за несколько минут, хотя он никуда не спешил. Лавочки были почти все свободны — только в дальнем углу под сенью каштана гнездилась парочка тинэйджеров. Мешать чужому глупенькому счастью Сергей не захотел и повернулся к ним спиной. Через десяток минут он узрел в конце аллеи знакомую фигуру своего учителя физики Николая Тимофеевича. Фигура двигалась медленно, неуверенно и грузно шаркая ногами. Было видно, насколько тяжело дается каждое движение этому человеку. Сергей поднялся и двинулся навстречу. Только за пару шагов Николай Тимофеевич обратил на него внимание, снял очки, протер их краем потной рубашки и замер, ожидая протянутую руку.

— Здравствуйте, уважаемый Николай Тимофеевич, — разулыбался Сергей. Ему всегда нравился его учитель, с которым было связано множество приятных и теплых воспоминаний.

— Здравствуй, Сергей... Вячеславович. Какими судьбами? Матушку проведать? А я вот еле дошкандыбал, а как обратно — теперь и не знаю. Совсем ноги отказывают и дышать нечем, — глухим срывающимся баском с передыхами произнес Николай Тимофеевич.

— Да уже свиделся с матушкой. Вырвался на субботу-воскресенье, а потом — назад в Липецк. Как Ваши-то дела? Вы ведь теперь один? Мое

Вам заболевание. Мама рассказывала про похороны Вашей супруги, — ответил Сергей.

— Да, Сережа. Думал — я раньше, а потом уже она, а она обманула: оставила одного — ночи напролет жить без сна и в одиночестве. Никакого желания что-то делать, и сил тоже нет, и ничего нет, Сережа. Старость — она бывает и в наказание. Так-то.

Сергей не стал притворно ободрять старика, строить банальные фразы «да вы еще ничего», «да еще поживете», а просто сочувственно молчал и рассматривал неряшливый вид учителя, небритую, давно не стриженную голову с белыми редкими волосами. Но по мере того, как Николай Тимофеевич приходил в себя, он становился все более похожим на прежнего физика — энергичного, словоохотливого, живо интересующегося событиями в стране, городе и мире.

— Ну, скажи, Сергей Вячеславович, как твои успехи? Чем занимаешься? Заходил как-то в библиотеку, дали твои рассказы, почитал, удовлетворил любопытство, — обтирая шею и лицо, все более оживлялся физик.

Сергей задвигался, кашлянул и сменил позу:

— Интересно Ваше мнение, Николай Тимофеевич. Прошу Вас без вступлений, говорите, как есть. А то сегодня мне уже прилетело от моих соседей. Что-то не то они нашли в рассказах, чуть ли не судиться собрались...

— Да все там то, Сергей Вячеславович. Все там то, правдиво и хорошо подмечено, а это, имей в виду, — и есть главный раздражитель. Слышал небось: ни одно доброе дело у нас не останется без наказания? Все-то у нас за правду, все-то горой за справедливость. Но скажи, а разве кто-то из нас готов услышать правду о себе самом, разве готов увидеть свое гнильцо, даже если и без фамилии на тебя похожее?

Вопрос явно был слишком риторическим, и, не ожидая ответа, физик продолжил:

— Можно критиковать губернатора, министров и даже потихоньку самого президента, но какую-нибудь скандальную бабу Ньюру или еще какую дуру — ни-ни. Себе же дороже. У нас такое либерально-наплевательское к людям государство. Понимаешь? Если человек — падаль последняя, смердит и всем жизнь отравляет вокруг и находит в этом радость, но не пьет и на работу вовремя ходит, то ничего с ним сделать не моги, а сделаешь — жалобами одолеет, по судам затаскает, ославит от Балтики до Камчатки. Украл по недомыслию пацан велосипед — сидеть будет, а если довели отца семейства до самоубийства — все с рук сойдет, и никто ничего никогда не докажет и доказывать не возьмется. И ходят такие упыри по земле, кровь сосут, жизнь отравляют, находят всем работу и упиваются своим могущественным ничтожеством. Говорить хаму, что он хам, — чревато последствиями, ну а если ты еще и написал и назвал вещи своими именами — так тогда пеняй на себя. Вот видишь районную газету? Только что из своего ящика вытащил, только проглядел, еще не читал как следует. Посмотри, в одной газете — три портрета главы района. Тут он поздравляет, тут вручает, а тут интервью дает. Сколько важности, сколько пафоса и величия, а вытащи из-под него руководящую табуретку — и все увидят, что король-то голый, ни мыслей, ни фигуры, ни благородства. Так вот, дорогой Сергей Вячеславович.

Сергей заволновался, задвигался. Его потянуло говорить сладкую чепуху:

— Спасибо за Вашу прямоту... Николай Тимофеевич. Я как бы это знаю давно, но меня не пугают ни хамы, ни людоеды. Жаль только времени на всякую ерунду вроде объяснительных и отписок, но что тут поделаешь. А государство тут даже и ни при чем. Оно не может отрегулировать отношения каждого с каждым. Наши граждане — не только герои, поэты и святые; и дешевки попадаются, не нашедшие себе людского применения в этой жизни. Не уподобляться же таким? Не впадать же в уныние из-за неудачников и нравственных уродов?

Николай Тимофеевич окончательно пришел в себя, обрел философский настрой, откинулся на спинку лавочки, разглядел в кармане Сергеевой растрепанной пачку «Ротманса» и попросил дать ему сигарету, долго мял ее пальцами, будто не решался закурить, двинул большим пальцем на манер включения зажигалки, и Сергей услужливо чиркнул для него, чуть помедлил и тоже закурил за кампанию. Помолчали каждый о своем. Уже докуривая, Николай Тимофеевич снова оживился:

— Ты, может, и знаешь, что я не только физику преподавал, а еще и одно время директором школы служил. Недолго, правда, моя карьера тянулась. Так вот, была у меня одна учительница русского и литературы. Может, и слышал о ней. Наглая, как танк, ленивая и змеюка конечная безо всяких надежд на истощение ее яда. Дети плакали от нее, родители устраивали забастовки, не хотел ее никто и все дружно не любили. Муж сбежал от нее давно, и она еще на почве женской своей неудовлетворенности превратилась в одержимую маньячку. Представляешь себе такую гремучую смесь? Как-то зимой ночью ушла она к какому-то ухажеру, а сыновей своих закрыла на ключ. Вернулась, а они угорели из-за закрытой вьюшки на трубе. Того, что постарше, как-то откачали, он пониже вроде на кушетке спал, а младшего так и схоронили. После этого случая эта фурия еще больше с катушек двинулась, стала на людей прямо бросаться, все у нее кругом виноватые, потому что, понятное дело, осуждали. Так вот, и второй сын, уже в подростковом возрасте, когда она его чем-то обидно наказала, взял и повесился прямо на яблоне у соседей. Ужас просто! Парню тогда уже лет пятнадцать было. Высокий красавец, только замкнутый, всегда себе на уме ходил.

Николай Тимофеевич засопел носом, вздохнул безнадежно и продолжил:

— И вот с такой... я работал. Мне легче было сладить со всей школой, чем с одной этой стервой. Уволить ее даже никто и не пытался. Помню, когда бабы коров по улице гнали — и то старались сделать крюк, только чтобы, не дай бог, корова не почесалась об ее ограду. Крика и проклятий тогда не оберешься.

Сергей дождался, когда физик умолкнет. Ему пришло на память, что подобное он вроде уже слышал, и он спросил:

— А Вы сейчас не про Валентину Михайловну рассказывали, Николай Тимофеевич? — посмотрел с любопытством на старика, который ни разу так и не назвал имени скандалистки.

— Да, как же? Про нее и говорю тебе. А ты-то небось и сам про это слышал.

— Нет-нет, не знал, конечно. Точнее, что-то про нее мне рассказывали, но что двое детей так погибли — это впервые от Вас слышу. Прямо жуть какая-то! А я ж Валентину Михайловну знал лично. Ей, правда, уже за шестьдесят далеко было, и в школе она уже не работала, но очень любила по санаториям и курортам разъезжать. Тогда с этим просто было. Лю-

бой учитель мог месяцчишко отдохнуть и нервы свои успокоить, но путевок было много, а желающих, как всегда, не найти. Так вот, помню, мы ей оформляли в год по две-три курсовки. Помню, возвращалась она всегда на воздушях, рассказывала, как часто ее приглашали там танцевать, как любили за оригинальность, предлагали дополнительные грязи и как горевали, когда она покидала место своих подвигов. Помню ее всегда накрашенные красной краской губищи, красные бусы и красную шляпу набок. Уже порядком подзасаленную.

Физик попросил еще одну сигаретку, посетовал, что врачи курить ему не велят, и он уже сам не покупает курево, но бросить все не может.

— Ну, так вот у этой истории было одно продолжение, — заговорил вновь физик, катая по пальцам сигарету, а потом с наслаждением затягиваясь дымом. — Одно время эта погань достала меня своей писаниной окончательно. И начались проверка за проверкой: то райком приедет, то прокуратура, то из облоно, как будто делать им больше нечего. Проверяют, проверяют, ничего, понятное дело, не найдут, ничего не подтвердится, а нервы лохматили — будь здоров! Ну никакой работы не стало — с утра до вечера одна писанина и нервы. И учителя от этого страдали, и дети, да и некоторым родителям тоже доставалось — всех переколобродила эта тварюга. Я уж с ней и по-хорошему пробовал, и часы урезал при комплектовании — все бесполезно. А один раз даже сказала мне: «Я вас всех на чистую воду выведу. Вы думаете, если у меня жизни не получилось, то вам всем будет хорошо?» Один раз совсем не сдержался, завел ее в кабинет ручного труда, зажал в углу, схватил за горло: «Будешь, сволочь, и дальше писать — задушу вот этими руками, и по хрену, что потом сяду, зато хоть людей от тебя освобожу». Струхнула тогда баба. Первый раз видел, что может зарыдать. С месяц было тихо и мирно, а потом, сволочь, накатала в прокуратуру, что я хотел ее изнасиловать якобы. Ну не тварь?! Директора школ узнали про ту жалобу. Приедешь на совещание, выйдем покурить на перерыв, так Василий Яклич всегда подкалывал: «Да ты вон, оказывается, какой маньяк. Ишь, какой похабный, на какую святыню покушался!» Им-то поржать, а мне — аж черно в глазах.

Физик передохнул, поискал глазами, куда бы выбросить потухшую сигарету:

— Один раз встал ночью. По осени дело было тогда. Только-только начались занятия в школе. Слышу — дождь по окнам: хороший такой, теплый. Глянул на часы — два ночи. Потихоньку оделся, вышел, вроде как покурить, в сенцы, а сам взял белый кирпич, завернул в газету, чтобы, значит, отпечатков не было, кирпич — под мышку и ходу. Вышел. На улице никого, даже собак не слышно, тишина, как на погосте. Подошел к ее дому, вспомнил, под каким окном она не должна спать, достал кирпич и в то окно как-ак засадил что было дури. Звон такой, что, кажется, и саму раму выбил начисто. Развернулся, и не к дому, а соседней улицей через огороды по чьим-то помидорам неубранным быстренько — домой. Промок весь. Покурил потихоньку — и в койку. Так до утра и не заснул тогда.

Николай Тимофеевич внимательно посмотрел на Сергея, наверное, захотел видеть, как тот реагирует на разбойный поступок учителя. Потом усмехнулся сам себе:

— Утром, не поверишь, — тишина, никакого шума, никакой милиции. Даже слухов никаких. Сам знаешь, как в деревне новости разлетаются. И самой этой дуры нигде не видно. Только на свой урок не явилась.

Грешным делом, напугался — не убил ли совсем? Даже задержался, как Раскольников в «Преступлении и наказании». Но нет, объявилась, окно вначале фанерой забила, а потом ей кто-то уже починил. И все тихо так, аж не верилось. И ходила она по селу — прямо тихая простая русская женщина. Скандалы закончились. Мне кажется, она даже к урокам стала готовиться. А при встрече со мной высказала как-то: «Не ожидала я от Вас такой жестокости. Но не надейтесь — отольются еще вам мои слезы». Я не ответил, сделал вид, что не понял, о чем это она, и стал ждать ответного кирпича в окно, даже кровать переставил от греха подальше. Но бог миловал — ни жалоб, ни поджогов, ни цунами, ни наводнений от этой ведьмы, ничего. Не верил в счастье свое до самой ее смерти. Только супруга, хоть и не спрашивала меня, но догадывалась вроде как. Такое вот получилось чудесное излечение. Клин клином вышиб.

Сергей, озадаченный, встал с лавочки, поймал себя на том, что в какой-то момент он испугался и заволновался. Ему остро понадобилось посмотреть в лицо своего педагога, которого по школе все понимали как строгого, но добродушного и безобидного балагура, жизнелюба и умного от постоянного чтения книг человека. Землистого цвета лицо физика, казалось, ничто не отражало, может, только какую-то потерянность: «Неужели я на такое способен?» Но и эта потерянность — не потерянность вовсе, а плод творческого воображения Сергея.

— Ну вот и поговорили. Надо подниматься, идти таблетки пить. До-волен, что встретил тебя, Сережа. Матушке своей поклон от меня. Ты не обижай ее по пустякам, прощай. Мы ж, старичье, как дети становимся. А она только о тебе и беспокоится. Больше ни по ком. Ну, давай, а то встретимся ли когда еще? — Николай Тимофеевич тяжело поднялся, подтянул неглаженные брюки, поправил белую кепку и зашагал в сторону площади.

А Сергей Вячеславович недолго оставался на скамейке один. Он заново прокрутил в своем воображении исповедь физика, качнул головой, усмехнулся и пошел прочь. Он был еще далек от того, чтобы последовать примеру своего любимого учителя.

ОБРЯД

В начале нулевых годов я работал в краеведческом музее. Зарплата, признаться, была там никакой — так, на уровне начинающего педагога, и я стремился использовать любую возможность для подработок. В музее имелась самым невероятным образом попавшая в перечень недвижимого имущества японская видеокамера, и я, что называется, без зазрения совести использовал ее для съемок выпускных вечеров, новогодних утренников в детских садах и встреч выпускников. Но в этих случаях брать большие деньги было стеснительно; другое дело, когда речь шла о свадьбах. Здесь можно было снимать все подряд, лишь бы все попали хотя б по три раза в кадр, а жених с невестой — почаще и во всех подробностях их звездного часа.

И вот как-то ранней весной, когда снег стаял, но не везде, когда солнечное пригревание по десятку раз за день сменялось хмуростью и противным ветром, меня позвали снять видео. В такое время свадьбы редки, заказов других не поступало, и я с нетерпением засидевшейся без живого дела охотничьей собаки собрался на «халтурку».

В этот раз с самого начала все складывалось не как обычно. Оказалось,

что вначале делегация в восемь человек со стороны жениха должна была прибыть в дом будущих сватов. В «газели» пожилой двоюродный дядя жениха Тихоныч пояснял:

— Надо-ть, это, стало быть, обряд соблюсти, чтобы, значит, все честь по чести — не хуже людей. Оно и понятно, то есть, без объясненьев.

Мне, в принципе, все одно, что снимать, но понятно не стало, что за обряд предстояло снимать. Я и уточнил без затей и намеков:

— А что за обряд-то будет?

Никто отвечать мне не стал, и только Тихоныч счел необходимым, глядя в окно на унылую грязную обочину, дополнить:

— Дык, оно и всегда-то поперед гулянья краю, значит, выкупают, чтоб, значит, жизнь им слаще была. Такой-то и есть он обряд, что ли.

Мне пришли на память несколько веселых студенческих свадеб, где женихи орали под окнами, как молодые петушки: «Наташа, я тебя люблю!», а потом исполняли разные конфузливые конкурсы в виде ношения женушки на руках. Иногда пышнотелье кокетки явно превосходили по весу своих избранников, и тем приходилось потеть и рисковать межпозвонковыми хрящами. Выкуп невесты — далеко не новость для меня.

В «газели» центром внимания и разговоров служила Зинаида Ивановна — тетка жениха из Кривого Рога. Она мне сразу понравилась и своей основательностью в рассуждениях, и кроем зеленоватого пальто, и своей бордовой шляпой. Зинаида Ивановна за длительное время пребывания среди русскоговорящих хохлов подпитала себя суржиком и забавно так рассуждала:

— Оженим, ото ж, нашего Юрика — что ж хлопцу пропадать-то? Вон он який богатый у нас. За таким любая дивчина довольна буде.

Не согласных с ней не было, а сам Юрик в новом блестящем пиджаке, при галстукe и лакированных туфлях, действительно, выглядел молодцом нарасхват и на зависть тем, кому теперь не достанется.

Зинаида Ивановна называла меня на «Вы» и обещала непринужденное веселье молодых людей, коим не терпится поскорее соединиться в прочнейшем брачном союзе во имя создания перспективной ячейки нашего общества. Я, конечно, соглашался и в свою очередь обещал скрупулезно зафиксировать мгновения трогательного воссоединения двух любящих сердец.

Родина невесты, село Нижнее Колдобино, — село как село: избы, крытые почерневшим шифером, окошки кое-где уже пластиковые, заборы кое-где уже из металлопрофиля, желтые газовые трубы. Жених указал дорогу к довольно большому дому на низком цоколе. Навоз коровий и лошадиный помёт перед домом подсказывали, что хозяева живут своим трудом, а неряшливая разбросанность навоза — что труд тот не главное удовольствие хозяина подворья. У калитки мы встретили двух девиц веселых, ярко накрашенных и заметно раскованных. Калитка была наглухо замотана алюминиевой проволокой. Девушки радостно и наивно заявили нам:

— Позолотитя ручку, а то не пустим. Не стесняйтесь, а лучше поскорее раскошеливаетесь, а то мы ждать не любим. — И довольные девушки звонко заржали в тональности необъезженных кобыл.

Во время выкупа подручным жениха не зазорно бывает употребить разные уловки и хитрые ходы для преодоления препятствий на пути к семейной идиллии. Зинаида Ивановна увидела в нескольких метрах дыру в заборе, молодецки пригнулась под проволоку, а за ней тем же манером

жених, я, Тихоныч, водитель «газели» и остальные оказались перед синим крыльцом. Девицы посчитали себя оскорбленными и теперь орали на правах потерпевших и обманутых в самых светлых чувствах:

— Так не честна-а-а! Что за жених у вас такой жадный? Хоть бы шикаладку дал. Думаить, что наша Танька такая прям дешевая, что и сама возьмет и выйдя. Прям на шею бросится жадюге. Нет уж, как положено, лучше позолотите ручку.

Дружок жениха — его хохмач-одноклассник Лешка — достал по купюре и отдал девицам. Те повертели их, помяли и театрально заявили:

— Не-ет. На такие деньги и блоху на базаре не купишь. Давай пять раз по столько же.

Было понятно, что девицы не планируют до ближайшей пятницы сделаться адекватными и совсем не понимают покупательную способность халявных купюр. Дружок жениха достал купюру поменьше, девицы ее приняли, но обиделись пуще прежнего:

— За ково вы нас тут принимаете? Мы не нищесборки, чтобы такие копейки принимать, давайте-ка лучше по-настоящему.

Со стороны жениха загалдели:

— Уж больно дорога ваша невеста, никаких денег не напасешься. Еще в дом не попали, а уже обобрали, считай, до нитки.

Перепалка длилась более десяти минут. Переговоры вела Зинаида Ивановна, а Лешка-дружок разглядел тем временем, что нижний глазок специально выставлен, просунул внутрь руку и отодвинул засов. Зинаида Ивановна шагнула на верхнюю ступень, взялась за ручку двери. За дверь оказалось двое молодых братьев невесты, которые шибанули изнутри так, что Зинаида Ивановна при всей своей нехилой комплекции слетела к ногам жениха. Я лишь по везучей случайности не оказался рядом с ней вместе с камерой.

Зинаида Ивановна измазала подол пальто, а шляпу удачно на лету поймал Тихоныч. Лешка в одиночку толкался за дверь с упорными пацанами и ожидал подкрепления, двоюродная сестра жениха оттолкнула девиц и пришла на помощь дружку. Раскрасневшаяся Зинаида Ивановна пристраивала на голову шляпу и растерянно возмущалась:

— Та шо це таке? Ведут себя, як те бандюганы. Приехали невесту выкупать, а тут такие невоспитанные. Шо вы от нас хотите? И шо там за золото ваша невеста — шаг ступни и вже плати. Нияких карбованцев на вас не хватит.

Из-за двери деловито объяснили:

— А нам и не нужны ваши карабанцы, и вас самих мы сюда не звали. А то приехали, как к нищим. Двери ломают, а шуток не понимают.

Но мало-помалу вошли в сенцы. Половицы здесь прогибались, скрипели и, казалось, реально могут рухнуть. В сенцах пахло борщом и мышами. Глаза привыкли к полумраку, и мы обнаружили перед собой широкую дверь, обитую дерматином. Снимать в полумраке и тесноте не стоило и, изменив нейтралитету, я перекинулся в стан штурмующих бастियोны невесты. Дверь отворилась сама, выскочили еще двое плотных бабищ. Они без труда оттеснили Зинаиду Ивановну от дверей, бесцеремонно проталив ее спиной по известковой побелке и сбив ее подмятую шляпу на самые глаза. Кому-то наступили на ногу, и послышался забористый фольклор. Тихоныч отодвинулся в угол, зажег спичку, прикурил и, не обращаясь ни к кому, равнодушно произнес:

— Вот, значит, какой у их, бля, обряд. Как Берлин, значит, штурму-

ем. Вот ить, иху мать, иху ить, какие, значит, попались жилистые. Вот ить, как деньги задарма любят.

Зинаида Ивановна растерянно лепетала что-то о том, что она нигде и никогда такого в своей жизни не видела, чтобы все пуговицы, какие ни на есть, оборвали. Ей отвечали что-то в духе того, что здесь люди знают себе цену и бережно чтут традиции отцов и дедов, определенно уже намекая на не менее красивый обычай свадебного мордобоя.

Перевес сложился явно не в пользу команды жениха, и он попросил: — Ладно. У кого сколько есть в карманах, давай скинемся и отдадим им, а то так мы и будем здесь без толку ругаться.

Зинаида Ивановна украдкой достала из кошелька пятисотрублевую бумажку, подняла ее над головой и громко заявила:

— Отдаю последнее и, чур, без базара — сразу подпускаете к невесте.

Бумажку приняли и передали кому-то в приоткрытую дверь. Там посчитали, что этого мало, и предложили удвоить взнос. С любой самой весомой скидкой это выглядело нахальным побором, и Зинаида Ивановна резонно предложила:

— Юрочка, та на шо нужна тебе такая пара, если за твои же гроши тебя же в курятнике держат. Ничого не бачу. Лампочку зажечь не могут, того гляди, гикнешься здесь за здорово живешь.

Я просунул ногу в щель проема и тут же пожалел об этом: мне ее накрепко приторочили к косяку, а внутри кто-то топнул сверху каблуком. Пришлось ретироваться и отойти к Тихоничу, который, похоже, закурил вторую сигарету.

После двух сотенных купюр нас все-таки впустили в переднюю комнату. Здесь горел свет. За столом сидел хозяин дома, отец невесты: полусевший мужик небольшого роста, которого домашние звали Николаусом, непременно имея в виду, что так звучит необыкновенно оригинально. Николаус степенно показал на следующую комнату без двери:

— Ступайте, сваточки. Как доехали? Хлеб да соль вам, как ни на есть. Ваш купец, как говорится, а наш товар. Такой обычай. У вас бычок, а у нас, как говорится, телочка.

Было видно, что Николаус не собирался участвовать в обряде предков, а просто хотел познакомиться с новой родней, поэтому он обратился ко мне, направившему на него камеру:

— Ты это, трандулу свою куда убирай и садись вон лучше выпей и закуси капусткой. Юрка, сынок, а ты этих баб не слушай. Ты лучше меня отцом зови, и все у нас будет чин чином — под зад пинчином. Садись вон, хватит вам стоять-то. С дороги-то закусите лучше...

Мы с женихом не стали артачиться, пропустили по стакашку крепкого самогона, и не прочь уже нам стало продолжить улучшать настроение. Да и Николаус уговаривал:

— Да не связывайтесь вы с этими бабами. Деньги любят, а работать не хотят. Нет бы лучше сестра поскорее замуж вышла, а то дуры корчут из себя прынцес, а на ферму нет никого окромя меня.

Но незавершенность древнего обряда выкупа невесты требовала красивого исхода. После стопки я решил сделаться индифферентным и, просто стоя сбоку, снимал, как жених оплачивал каждый угол скатерти, как клал крестом купюры в центр стола, как целовал иконку и все подряд, что ни давали ему. Сцепивши руки, молодые двинулись вокруг стола, но бабка невесты Матрена остановила движение, поднесла икону внучке и потребовала: «Цалуй трехкратно и приговаривай: “Во святой час, благо-

словите, святые угодники"». Невеста исполнила требование и перекрестилась левой рукой. Пошли вокруг стола, но бабка вновь остановилась:

— Погодите, дайте я вас пшеном обсыплю, чтоб вы богатые были на всю жизнь и чтоб деток поболее народилось.

Бабка Матрена взяла со стола чашку с пшеном и посыпала содержимое на головы молодым. Невеста вспыхнула:

— Ну ба, ты совсем рехнулась, на хрен всю прическу изгадила со своей этой хренью. Я так и знала, что все здесь будет только по-твоему. Везде свой нос суешь длинный.

Бабка Матрена невозмутимо и сурово поправила внучку:

— Не по-моему, а как надо, и не пыли тут, если не знаешь, как правильно по-старинному обычаю надо.

Жених участливо взял невесту под руку, заглянул в ее повлажневшие глазки и собрался вывести из дому, но снова вмешалась бабка:

— А теперь вокруг стола посолонь идите и молитву творите «Отче наш». Идите здесь и повертайте по правую руку. Идите-идите, а я дарю вам на обзаведение тюль на окна. Пошьте, повесите и богато заживете.

Я фиксировал сольный бенефис бабки Моти и глубоко сочувствовал жениху, который успел взмокнуть от пота и дважды невзначай матюкнуться. Обряд выкупа невесты продолжился и резко завершился только после того, как Юрка-жених громко пообещал «бросить на хрен такую вашу свадьбу» и уехать восвояси без невесты. Стало очевидно, что обстоятельный древний обряд явно вступил в противоречие с несерьезностью современных нравов разбалованной молодежи.

Я снимал уже все подряд без перерыва, но вдруг почувствовал резкую боль под коленным суставом. От неожиданности чуть не выронил дорожную камеру; обернувшись назад, увидел: сзади меня на стиральной машинке сидела девочка лет шести в красных новеньких туфельках. Своей ножкой она и засадила мне со всей мочи своего возмущения от опасных людей, пришедших задешево забрать из дома ее старшую сестру. Детское личико выражало решимость повторить свою атаку, и я поспешно отодвинулся.

Потом саму свадьбу я снимал, хромая и невозможная боль в подбитой ноге. Перед глазами постоянно всплывало злоющее детское личико, полное решимости биться с чужаками до конца.

Фильм я потом монтировал, впервые не вырезая мата и прочей похабщины людей, пришедших справить свадьбу в духе давнего старинного обычая. Сделал все быстро, понатыкав разных мультяшных вставок и милительных открыток в духе: «На веки вечные одна судьба!»

Неудобно признаться, но с тех самых пор я, откровенно говоря, недолюбиваю старинные наши обряды вперемешку с глубинным местным колоритом. Нехорошо оно, конечно, и непатриотично, но как есть.

ВРЕМЯ ПОПУЛЯРНОСТИ

Семен Павлович Васильев, по общему мнению жителей Эрска, был человеком «простым». Несмотря на то, что он занимал должность, хорошо оплачиваемую по меркам провинциальных потребностей, к нему можно было обращаться по любым вопросам и в любое время. Практически все в городке знали, что он безотказен и не то что выслушает всякого и выдаст дельный совет, но и возьмется решать дело, даже если оно и приблизительно не его.

Стоит ли удивляться, что довольно скоро многие захотели воспользоваться бескорыстной щедростью природы чиновника, его внимательностью к общественным запросам и все множили ряды обращенцев и просителей по самым различным вопросам. Самому же Семену Павловичу до поры даже льстила все возрастающая его популярность. Да и как тут может происходить иначе, когда городок небольшой: куда ни повернись — либо приятели, либо однокашники, либо просто тоже простые люди, вполне себе бесхитростные и прямолинейные.

Приходит на прием Олечка-одноклассница, обращается по отчеству, на «Вы», смущается, волнуется, чем конфузит и самого Семена:

— Понимаете, какое дело, дочка развелась... Все что-то не клеится у нее. Жалко мне ее. Двое детей и самой уже под сорок. Развелась вот, бросила все и приехала домой. А где ж найдешь приличную работу?

Семен Павлович сочувственно подался в кресле:

— Понимаю, конечно, понимаю. А кто она у тебя по специальности? Кем хотела бы работать? Диплом у нее какой?

— Да какой там диплом, Семен Павлыч? Она родила-то в конце последнего класса. Любовь там приключилась такая, что ничего не могли с мужем сделать. А как влюбилась, так и разлюбила — характерами не сошлись. Потом за другого вышла — тоже неудачно, но дитя успела еще одного родить. Так что никакого диплома и нету. Но она у меня целыми днями за компьютером, разбирается в нем хорошо: то в «Одноклассниках», то в каких-то переписках, то фотки свои выставляет без конца. Я-то в этом ничего не понимаю. Сама вон без работы почти уж год. Помогите, Семен Павлыч, пожалуйста.

Через пару недель Семен пристроил дочь одноклассницы секретаршей к знакомому руководителю, но что-то пошло не так, и довольно скоро Ольга позвонила с просьбой хлопотать снова за дочку.

Как-то на улице Семена встретила престарелая учительница и после излияния радости по данному поводу попросила:

— Семен Павлович, давно к Вам собиралась, надо разобраться с моей пенсией. Что-то, чувствую, тут не так. Ну не может быть она такой маленькой. Вон смотрю, даже механизаторы — и те некоторые больше меня получают безо всякого образования. А я все ж таки больше двадцати лет на педагогическом поприще, пусть и с перерывами из-за переездов. Как бы Вы, Семен Павлович, хлопотали бы в пенсионном. Наверняка ж там свои люди и в друзьях есть кто-то.

Семен не любил бывшую учительницу, как и большинство во всей их школе, терпел с трудом ее занудный и нравоучительный характер, совсем не представлял себе, как и чем можно удовлетворить желание просительницы, но отказать тоже не мог. В итоге он провозился с этим делом довольно долго, что-то удалось, и в итоге пересмотра пенсию увеличили на семьдесят три рубля, что окончательно оскорбило бывшую учительницу. Она написала длинную жалобу в адрес Президента с изложением по годам всех своих заслуг перед Отечеством и народом, а Семену по его подведомственности пришлось пару дней готовить аргументированный оправдательный ответ. Но что ж тут поделаешь, коли такая у него специфическая работа?

Приятели запросто звонили Семену:

— Палыч, привет!.. Ты бы внука в детский садик. Ты бы попросил квоту на бесплатную операцию на глазу. Ты бы поспособствовал с путевкой в санаторий, получишь какой-нибудь. Ты бы направление в медакадемию

для племянницы, уж больно все уши прожужжала: «Хочу быть врачом, хочу быть врачом...» Я слышал там у вас участки многодетным семьям раздают, ты бы похлопотал, чтоб поближе к асфальту. Ты бы... ты бы...

Как-то к вечеру в его кабинет явилась маленькая молодая женщина и без предисловий объявила о том, что планирует в ближайшее время наложить на себя руки, так как не видит никакой возможности жить без помощи и совета насчет дальнейшей своей запутанной жизни. Семен почти наверняка знал, что тот, кто собрался в мир мрака и теней, не станет мешкать и спрашивать советов, а наоборот — втайне отыщет сук и веревку; но черт ее знает — вздернется, а ему потом страдать оттого, что не предотвратил трагедию. Выслушал, успокоил, помог словом и делом. Как-то само собой втянулся в разрешение проблем девицы и вынужденно терпел потом ночные звонки пьяной мамыши, просил за нее, хлопотал о социальной помощи семье. Редкий случай, но и в самом деле — история с пьяными дебошами, беспризорством малых детей, антисанитарией и бедностью мало-помалу выправилась и обрела вполне удачное свое продолжение. После этого Семен уже не требовался.

Однажды к нему обратилась социальная работница:

— У меня на обслуживании бабуля одна. Одинокая, в годах и очень хорошая. У нее на фронте пропал отец. Не погиб, а пропал без вести. Вот моя подопечная все время меня просит: «Умирать скоро, а все не знаю, где сгинул мой бедный папаша, где его косточки покоятся». Нельзя ли через каких-то бойскаутов разузнать хоть что-нибудь, а то очень жалко бабулю. Она такая хорошая.

Объединенная база Министерства обороны помогла отыскать карточку немецкого военнопленного с датой его кончины. А Семен насколько мог подробнее выяснил местонахождение лагеря для военнопленных и подробности бесчеловечного содержания в нем советских солдат. Через сутки ему позвонила пожилая женщина, назвалась бабой Катей и со слезами благодарила:

— Вы такое для меня сделали. Такое дело! Ведь я и не чаяла уже, а теперь хоть помру спокойно. Спасибо Вам великое, счастья и здоровья Вам и деткам, и жене. Можно я буду кое-когда звонить Вам? Номер уже знаю...

Ответить отрицательно в такие моменты — выше верха всякого неприличия. Баба Катя звонила первое время, чтобы справиться о здоровье и поздравить с очередным праздником, потом все чаще. Семен Павлович отвечал ей взаимными поздравлениями и пожеланиями здоровья и всего самого доброго в ее жизни. Со временем телефонное общение стало потребностью одинокой женщины, и разговоры становились чаще и продолжительнее. Часто баба Катя будила его своим звонком, заставляла его в ванной, в кабинете у начальника, на совещании и в другое неудобное для разговоров время, и Семен все больше тяготился этим, но вынужден был продолжать затянувшееся общение.

Близился юбилей нашей Победы в Великой Отечественной войне. В районе проходила кампания по вручению юбилейных медалей участникам войны, труженикам тыла, блокадникам и узникам фашистских лагерей. Вручение государственных наград — вещь особо ответственная, а тех, кому они полагались, насчитывалось в районе больше тысячи. Некоторые стали равнодушными к медалям и говорили: «На что она мне? Лучше бы пенсию прибавили». Так высказывались те, у кого уже имелись медали в честь более ранних юбилеев, но было немало и тех, кто, полу-

чая медаль, могли потом пользоваться льготами. Во всем этом многообразии человеческих эмоций должен был разбираться именно Семен Павлович. Количество медалей равнялось количеству награждаемых и количеству номерных удостоверений к медалям.

Обычным днем к нему в кабинет заглянула бодренькая бабуля, спросила разрешения и вошла. Семен нашел ее в списках, попросил предъявить паспорт, бабуля растерялась, но потом достала его из сумочки и подала. Семен черными чернилами заполнил удостоверение, проставил номер в отчетной ведомости, поднялся и произнес:

— Уважаемая Александра Дмитриевна, от имени Президента и по поручению главы района примите слова благодарности за Ваш трудовой подвиг в годы войны. Примите и поздравления с наступающим праздником и пожелания добра, бодрости духа, здоровья и долгих счастливых лет.

Ровно так, но иногда и другими словами Семен Павлович ежедневно помногу раз благодарил и поздравлял заслуженных людей.

— Спасибо, Семен Палыч. Спасибо Вам. Там и моему деду Ивану Григоричу тоже медалька полагается, и просьба к Вам большая: отдать ее, а я ему передам, — попросила награжденная.

Семен заглянул в список, строкой выше под тем же адресом нашел подтверждение сказанному:

— Александра Дмитриевна, по закону я не имею права передавать награду даже через близких. Вашему Ивану Григоричу надо самому с паспортом явиться ко мне.

— Да, что Вы, Семен Палыч, он ни за что не поедя к Вам. И прибалывая последнюю время, да и так не поедя. Уж я его упрямую натуру-то знаю. Хотела оформить и себе, и яму льготы. Что ж все получают, а мы чем хуже других? Тоже авось в войну еще детьми, а уже работали наравне с матерями. Он через того и грыжу-то себе нажил.

Повисла пауза. Семену и самому хотелось поскорее завершить ответственное дело, и бабулю никак не хотел обидеть, и он подсказал компромисс:

— Хорошо, в качестве исключения пойду на нарушение. Давайте паспорт Вашего дедушки.

— О-о-ой, а я-то, дура темна-ая, яво и не взяла с собою, думала, и ну-жон не будя сроду. А без паспорта что ж совсем нельзя? Это ж мне опять завтрава в Эрск пилить, а автобус у нас через день, а еще и оформить в собесе надо. Ну может, Семен Палч, в виде опять исключения опять пойдете навстречу. Это я, дура старая, кругом виновата, ни ума, ни памяти совсем нету и занять не у кого. — Расстроенная Александра Дмитриевна готова была пустить слезу. Семен взялся утешать ее:

— Ну ладно-ладно. Пойду навстречу. Что ж с Вами делать? Только и Вы обещайте об этом никому не рассказывать, а то узнают, и другие будут так же.

Пака бабуля обещала Семену по гроб жизни быть ему благодарной, он старательно вписал ее супруга в список и торжественно вручил бабуле награду вместе со словами заочной благодарности за труд.

Неделю спустя Семена вызвал руководитель аппарата и в привычной для него назидательной и раздраженной форме сообщил:

— Тут ко мне обратилась бабка с Вязовки. Какую-то медаль ты ее деду не так вручил, что-то перепутал, и теперь плачет. Ты что, Семен Павлович, инструкцию не читал? Не пойму я, зачем ты на себя опять лишнее берешь. Тут аферист на аферисте кругом, а ты все время ведешься. Я не

знаю, как, но теперь выкручивайся, как хочешь, где будешь искать новое удостоверение — дело не мое. — Начальник не любил Семена, а Семен не любил начальника, но понимал, что в чем-то лопухнулся, и у него нехорошо заныло в животе.

Явилась в слезах та самая бабушка. Просила простить ее, подала дедово удостоверение. Семен прочитал: «Боеву Ивану Григорьевичу». Успокоился, удивленно спросил:

— Ну, Вы же Боева? Так? Где ж тут моя ошибка-то?

— Дык в том-то и дело. Вернулась я домою, подала деду медалю. Вечерком еще малость обмыл ее мой дед, а следующим днем племянник отvez нас в собес оформлять льготы. Ну, мне оформили, ксерокопии, какие надо, сами сняли, заявлению приняли, то да се. А когда начали деду оформлять, батюшки мои, а он оказался по паспорту не Боев, а с какого-то дьявола Баев. И получалось, что он Баев, а я как и не жена ему совсем. В удостоверении энтой Вы записали, как Боев. Говорят, что теперь только по суду доказать можно.

— Опять не пойму Вас. Вы же мне говорили, что он Ваш муж законный, так почему же он Баев-то? — уже начинал расстраиваться от своей догадки Семен. — Вы что, на разные фамилии записаны?

— Дык в том и дело. Менял Иван паспорт свой советский черт-те еще когда, а посмотреть в него что-то и не посмотрел. Положила я сама его в комод, и так он там и лежал — куда с ним? Ни на поезд, ни на самолет — все время в деревне. А видите, как оно получилось, и Вы тогда не настояли по закону, и я, дурочка, зря радовалась. А теперь мне говорят, что ничего сделать нельзя.

Семен вздохнул, отрешенно взглянул в лицо бестолковой труженице и в удостоверении подставил той же пастой корючку к букве «о». Исправил и в ведомости и молча вернул паспорт и удостоверение. Бабуля глянула, удивленно просияла, не веря своей удаче, и убедительнее, чем в прошлый раз, обещала до гробовой доски помнить доброту Семена. Потом ловко извлекла из сумки полторашку самогона и поставила ее перед ним. Семен твердо зыркнул:

— Заберите. Я не возьму... — Старушка вновь зарыдала, запричитала, стала просить принять и не обижаться на нее, убогую. Семен махнул рукою и взял самогон — лишь бы поскорее забыть курьезную историю.

Удовлетворенная бабуля удалилась, а Семен вышел в коридор, подождал, пока техничка додвигает до него свою швабру, поздоровался и вручил ей самогон:

— Возьми, Петровна. Выпей как-нибудь за мое здоровье, а не захо-чешь — вылей. — Повернулся, не слушая новых проявлений любви и нежности.

Следующим днем техничка не вышла на работу и пробыла во внеплановом запое четыре дня, а апрель, как назло, выдался на редкость грязным из-за непрерывных дождей. Ее вызывал руководитель аппарата, она каялась и в своей объяснительной на голубом глазу сообщила: «Запой получился неожиданно из-за того, что Семен Павлыч попросил выпить за его здоровье...» Рукаппарата рассвирепел, лишил Семена по совокупности косяков квартальной премии и начал подозревать его в нехорошей способности постоянно подделывать государственные документы.

Номер мобильного Семена Павловича становился все более известным в районе. Иногда совершенно незнакомые обидчивые граждане вдруг без всякого там «здрасьте» и «разрешите» начинали высказывать претен-

зии по любому поводу. Звонившие и не надеялись вовсе поправить положение, улучшить состояние или, того лучше, сделаться довольными, но все кричали: «Доколе, по какому такому праву», стандартно спрашивали: «Что ж нам, теперь к Президенту обращаться?» и потом отключались, оставляя Семена в печальном настроении не менее чем на пару часов. Семен горился, вздыхал, начинал натужно кашлять, но справедливо настраивал себя, что это издержки его чиновничьей работы и от этого никому уж не деться.

Как-то к нему в кабинет пожаловали трое ветеранов из Гнилуши. Они обратились с просьбой восстановить справедливость, поруганную нахальным молокосборщиком, который исчез, не рассчитавшись за принятое у домохозяйек молоко. Семен уже слышал об этой истории и, как бывший сельский житель, родители которого тоже когда-то держали корову и прочую скотину, вполне сочувствовал пострадавшим. «Ходоки» просили, чтобы молокосборщик не только рассчитался с ними, но и продолжил покупать у них молоко, но без обманов и подороже. Семен снова вникал — и чем глубже, тем больше понимал, что виноваты в этой истории все сразу, что всем им хочешь не хочешь, а придется говорить о том, что для них нажива выше порядочности. Но так-то нельзя ж. Надо ж занимать хоть какую-то сторону и восстанавливать попранную справедливость. В конце концов, вышло так, что и молокосдатчики, и молокосборщик стали отдельно друг от друга жаловаться на него начальству и в газету.

Семен Павлович вволю попереживал, но окончательно убедился, что занимается не своим делом, что дальнейшие шаги в этом направлении — прямой путь в неврастению. У него уже в сутках не оставалось времени, а в нем самом — никаких внутренних сил. Он попробовал не отзываться на незнакомые хотя бы номера, а в особо наглых случаях принялся грубить в адрес обращенцев. И скоро многие стали удивляться: «Вот ведь как власть людей портит. Мы-то думали, что он порядочный, а он ишь какой оказался — волк в овечьей шкуре, хоть и в очках».

После длительных мучительных нервных срывов и душевных страданий с безнадежными бессонницами, потерей веры и жжением в желудке Семен оставил свою неплохую работу, сделался нелюдимым и замкнутым на причинах своего душевного крушения. Кто-то мне говорил, что и выпивать чрезмерно стал, и небритым его уже видели — наверняка ведь опустил. Ну а что ж — он первый, что ли, кого власть повредила?